

Бойко В.В. К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ КРЫМСКОЙ ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

Имущественное расслоение не тождественно социальному.
Академик ВАСХНИЛ В.А.Тихонов.[1]

Социальная стратификация – это определение социальной структуры общества, выявление действующих в нем классов, социальных слоев и групп, их места в общественной жизни. Для органов власти социальная стратификация имеет практический смысл и проводится в целях формирования государственной политики в интересах тех или иных классов или социальных групп. В качестве примеров можно указать законы Клисфена в Древней Греции или «Табель о рангах» в Российской империи.

В послеоктябрьской России большевики всегда подчеркивали классовый характер советской власти. Официально государственная политика проводилась в интересах пролетариата - беднейших слоев населения. Таким образом, политика в области аграрных отношений осуществлялась в интересах сельского пролетариата – батраков и бедняков. Опираясь на бедноту, большевики осуществляли первые революционные мероприятия на селе: экспроприации и переделы земель, хлебазаготовки. Однако на этапе перехода от присваивающего хозяйства к производящему (напрашивается аналогия с первобытным коммунизмом) ставка на бедноту себя уже не оправдывала. Беднота годилась лишь для реализации лозунга «Грабь награбленное!» Для производства же хлеба нужен был крепкий мужик, способный не митинговать, но трудиться от зари до зари. Этим объясняется корректировка партийного курса в сторону создания союза рабочего класса с середняком весной 1919 года.

В дальнейшем органы советской власти также уделяли большое внимание вопросам социальной дифференциации, расслоения крестьянства. Эти термины прочно входят в обиход и звучат с трибун партийных съездов, конференций, совещаний; проводятся специальные обследования деревни на предмет выявления ее социальной структуры. Бедноте выделялись кредиты на землеустройство, съемные ссуды, предоставлялись льготы при распределении земли, инвентаря и построек; беднота освобождалась от сельхозналога. Одновременно проводилась политика ограничения влияния в деревне так называемого кулака, начиная с лишения его избирательных прав и заканчивая полным физическим уничтожением. Разжигая классовую борьбу в деревне, советская власть должна была знать и своих союзников, и своих врагов. Поэтому уже с начала 20-х годов проводится изучение социальных групп крестьянства, появляются данные о соотношении сил в деревне. Опираясь на малоизученные архивные документы, мы попытаемся восстановить картину социального расслоения крымской деревни 20-х годов, определить критерии и результаты дифференциации крестьянских хозяйств Крыма. Данный материал можно рассматривать в качестве дополнения к уже опубликованному на эту тему статьям В.В.Маковского, Н.Е.Дементьева и К.Ю.Коновалова.[2]

Прежде всего необходимо отметить отсутствие единой системы критериев отнесения крестьянских хозяйств к тем или иным группам. На практике чаще всего применялось разделение крестьянства на 3 социальные группы: бедняков, середняков и кулаков. При этом еще в конце XIX века земскими статистиками был разработан метод группировки хозяйств по величине посева – по словам Ленина, «...прием очень удачный, позволяющий точно судить о хозяйстве каждой группы...»[3] Но к 20-м годам XX века эта точка зрения была подвергнута критике со стороны многих экономистов-аграрников, в т.ч. и марксистов (например, Я.А.Яковлева). Как указывал А.В.Чаянов, «постепенно стало складываться убеждение, что социальное строение деревни и процессы развития в ней капитализации должны изучаться не на основе косвенных группировок по размерам хозяйства, а прямым изучением капиталистических отношений в деревне».[4] Обобщив материалы проведенных летом 1924 года экспедиций НИИ сельскохозяйственной экономики, он установил шесть основных типов крестьянских хозяйств.

I. Классическое кулацкое хозяйство, «...центр тяжести доходов коего лежит в торговых оборотах, ростовщическом кредите и, как частный случай, в сдаче на кабальных условиях инвентаря и других средств производства малоимущим хозяйствам. Источником капиталистического дохода здесь являются и торговая прибыль и сверхприбыль, или же доходы от обращения капиталов в чужом предприятии...»

II. Полукапиталистические хозяйства, которые помимо своего труда «...постоянно и в большом количестве используют наемный труд в целях получения от этого использования предпринимательского дохода».

III. Хозяйства, работающие силами своей многочисленной семьи без применения наемной рабочей силы, хорошо снабженные средствами производства и потому интенсивно развивающиеся.

IV. Наиболее распространенный тип трудовых хозяйств, не прибегающих к найму и не отчуждающих свою рабочую силу, но вследствие малочисленности рабочих рук, недостатка средств производства или земли не могущих развиваться до уровня мощных хозяйств третьего типа.

V. Хозяйства, отдающие внаем часть своей рабочей силы, но не прекращающие ведение «полного сельскохозяйственного предприятия с развитой товарной частью его».

VI. Пролетарские хозяйства, главный доход получающие от продажи своей рабочей силы.[5]

К сожалению, сам же Чайнов отмечал, что в отечественной статистике не имеется достаточных данных для количественного выражения значения указанных типов в социальной структуре деревни. Материалы проводимых исследований дают группировки отдельно по нескольким показателям – посевной площади, количеству скота, инвентаря на одно хозяйство, найму рабочей силы, аренде и др. – и при обобщении разрозненных показателей точную картину представить трудно.

На местах предпочитали пользоваться старой схемой: бедняк, середняк, кулак. В рамках такой схемы в архивных документах можно найти следующие цифры: в Евпаторийском районе в 1925 году бедняки составляли 44%, в 1929-м – 31,7%, количество середняков увеличилось с 38% в 1925 году до 58% в 1929-м, при этом уменьшилось число кулаков с 16% до 8-10%. По данным Ялтинского райземотдела, в районе в 1929 году насчитывалось 56,4% бедняцких хозяйств, 36,4% - середняцких, 7,2% - кулацких. Если говорить в целом о Крыме, X облпартконференция (1924 год) указывает, что среди сельского населения полуострова 25% бедняков, 64% середняков, 11% зажиточных (заметим – не кулаков, а зажиточных).[6]

Однако подсчеты велись весьма приблизительно в силу расплывчатости критериев отнесения хозяйств к той или иной группе. Зачастую при определении социального состава деревни вопрос выносился на обсуждение собрания бедноты, а иногда и общего собрания земельного общества. «Причем при определении социального лица того или иного хозяйства возникают споры. ...при наличии случаев игнорирования интересов середняка [при проведении] хозяйственно-политических мероприятий в деревне (сельхозналог, землеустройство, лишение избирательных прав, работа с беднотой и т.д.), получается такое положение, когда отдельные середняки переходят к группе бедняков, а у бедноты нет желания поднимать свое хозяйство до уровня середняцкого.»[7]

Что касается середняка, секретарь Крымского обкома ВКП(б) С.Петропавловский определял его как «неоднородную социальную группу», которая «по-разному реагирует на все мероприятия партии и Соввласти».[8] Из райисполкомов в КрымЦИК и Наркомат земледелия поступали запросы с просьбой разъяснить, кого же следует считать середняком. Наркомзем вначале оправдывался, что никаких норм середняцкого хозяйства не существует, но затем на заседании Коллегии от 11 августа 1925 года (протокол N65) рассмотрел вопрос о социальной группировке крестьянских хозяйств в Крыму и соответствующие материалы направил в КрымЦИК. Этот документ заслуживает особого внимания.

Наркомзем Крыма попытался разработать количественные характеристики середняцкого хозяйства по величине посева, количеству рабочего и другого скота. Метод Наркомзема прост: по анализу результатов проводившихся в разные годы обследований крымской деревни он выделил средние показатели максимальной по численности группы единоличных крестьянских хозяйств, признавая эту группу середняцкой. Нижеприведенная таблица дает такие показатели по максимальной группе хозяйств степного Крыма:[9]

Таблица 1.

Годы	Посев на 1 хозяйство	Посев на 1 едока	Посев на 1 голову рабочего скота
1887	7,7	1,4	2,3
1916	8,2	1,6	3,9
1917	8,0	1,5	3,96
1921	7,2	1,4	4,2
1922	2,7	0,6	3,45
1923	5,2	1,1	7,2
1924	6,5	1,2	5,7

Эта динамика дала основание Наркомзему считать средним наличие 1,6-1,5 десятины на душу в единоличных хозяйствах при 3,9 десятины на 1 голову рабочего скота в 1 хозяйстве при 5 в среднем душах в семье.

Группировка хозяйств по рабочему скоту за 1923 год дала такое количество хозяйств в процентах к общему числу:[10]

Таблица 2.

	Без раб. скота	С 1 гол. Раб. Скота	С 2-мя гол. раб. скота	С 3-мя гол. раб. скота	С 4-мя гол. раб. скота
Степная часть	50	17,3	17,7	7,6	7,5
Предгорная часть	62,0	14,8	14,8	4,8	4,1

Здесь максимальная группа имеет по 2 головы рабочего скота, что и было признано нормальным для середняцкого хозяйства. Наконец, среди хозяйств, имеющих коров, максимальную группу представили хозяйства с 1 коровой. На основании вышесказанного НКЗ делает следующий вывод: «Настоящая максимальная группа единоличных крестьянских хозяйств, принимаемая нами за середняцкую, имея 2 дес. Посева на душу, 2 головы раб. скота, 2 коровы, являет собою экономически жизненную единицу, могущую жить маленьким хозяйством, своим трудом, вырабатывая количество продукции, необходимое для прокормления своей семьи.»[11]

Но Наркомзем идет еще дальше, справедливо признавая, что середняцким следует считать не столько натуральное хозяйство, могущее лишь держаться на плаву, сколько хозяйство, способное к развитию и воспроизводству своих производительных сил. Поэтому количественные показатели для него должны быть увеличены примерно до такого уровня: 28 десятин земли, 2 головы рабочего скота, 1 голова молодняка рабочего скота, 1 жеребец, 1 корова и 1 теленок, из мелкого скота 2 свиньи, 6 подсвинков, 12 поросят, мертвый инвентарь.[12]

Методы Наркомзема далеко не безупречны, но сделанные таким путем выводы не лишены основания, да и те критерии социальной дифференциации деревни, которые предлагает НКЗ Крыма, также можно считать достаточно обоснованными. В документе население делится на пять групп: батраков, бедняков, середняков, зажиточных, кулацкое. К батракам относятся лица, полностью отчуждающие свою рабочую силу, при этом имеющие или вовсе не имеющие личной собственности, а также «лицо, продающее свой труд на 50 % и остальное время затрачивает на свое собственное хозяйство, имея при этом усадебную землю и трудовую норму, которую он сдает в аренду за отсутствием средств и возможности обработки». (Кстати, это очень похоже на основную массу крестьянского населения современной Украины, которое после реорганизации колхозов получило земельный пай, но не имея средств и возможностей обработки, сдает его в аренду, а само продает свою рабочую силу фермерам и другим работодателям).

К бедняцким Наркомзем относит хозяйства, имеющие усадьбу, постройки и трудовую норму земли до того предела, когда они могут обойтись силами своей семьи без посторонней помощи.

«К середняцким хозяйствам относятся те, кои экономически мощны, которые могут без государственной и общественной помощи вести свое хозяйство и лишь получают ссуду для его расширения и улучшения».

К зажиточным относятся хозяйства, которые, применяя личный труд, могут расширять производство, но при этом используют наемный труд, если для развития не хватает собственной рабочей силы.

Наиболее ответственным является определение критериев кулацкого хозяйства, т.к. такие хозяйства постепенно в течение 20-х годов будут ставиться вне закона вплоть до физического уничтожения. К концу 20-х эти критерии расширятся и ужесточатся, но тогда, в первый год расцвета нэпа НКЗ Крыма был достаточно «мягко», относя к кулакам четыре категории лиц:

а) лица, занимающиеся в деревне торговлей (не государственной и не общественного значения);

б) лица, употребляющие свой избыток не на расширение хозяйства, не прямо, а путем ростовщических способов по отношению к батрацкому, бедняцкому и середняцкому элементам, что является выживанием прибавочной ценности;

в) лица, не занимающиеся сами личным трудом, а ведущие свое хозяйство посредством наемной рабочей силы;

г) лица, дающие ссуду за обработок, превышающую установленные государством %».[13]

Наркомзем также отдельно дал группировку хозяйств по спекультурным районам и скотоводам. При этом к середняцким он отнес хозяйства, использующие норму оставления, утвержденную Крымпланом.

На основании критериев Наркомзема и материалов ЦСУ Крыма за 1924 год можно дать следующую группировку крестьянских хозяйств степных районов Крымской АССР:[14]

Таблица 3.

Группы по посеву	Число наличных хозяйств	Обеспеченность раб. силой (число хозяйств)				Наличие рабочего скота						Число хозяйств без пахотных орудий
		Без своих рабочих	С 1-м рабочим	С 2-мя рабочими	С 3-мя рабочими	Без раб. скота	С 1-й головой раб. скота	С 2-мя головами раб. скота	С 3-мя гол. раб. скота	С 4-мя гол. раб. скота	С 5 и более гол. раб. скота	
Без посева и с посевом до 0,1 дес.	2063	37,56% 775	55,61% 1147	4,39% 91	2,44% 50	92,20% 1902	5,82% 121	1,46% 30	0,49% 10	-	-	94,64% 1952
	4,3%	12,2%				8,3%						7,7%
0,1 – 2,0 дес.	8345	29,67% 2476	60,92% 5084	7,6% 634	1,81% 151	93,73% 7822	4,83% 403	1,32% 110	0,12% 10	-	-	90,83% 7580
	17,39%	30,0%				34,0%						30,0%
2,1 – 4,0 дес.	9521	13,42% 1278	75,9% 7226	9,41% 896	1,27% 121	77,26% 7337	16,60% 1580	6,13% 584	0,21% 20	-	-	77,59% 7387
	19,84%	20,2%				31,9%						29,2%
4,1 – 6,0 дес.	6464	9,19% 594	76,32% 4933	10,75% 695	3,74% 242	53,12% 3434	29,75% 1923	15,58% 1007	1,4% 90	0,15% 10	-	59,35% 3836
	13,47%	9,4%				14,9%						15,2%
6,1 – 10,0 дес.	8666	7,32% 634	76,07% 6592	12,31% 1067	4,3% 373	23,58% 2044	32,87% 2849	38,09% 3301	4,07% 351	4,16% 101	0,23% 20	37,51% 3521
	18,06%	10,0%				8,9%						12,9%
10,1 – 16,0 дес.	61,42	5,9% 362	71,8% 4410	15,47% 947	6,89% 423	6,39% 392	20,33% 1249	45,9% 2819	18,52% 1138	7,7% 473	1,16% 71	15,08% 926
	12,8%	5,7%				1,7%						3,7%
16,1 – 25,0 дес.	4108	3,43% 141	64,22% 2638	23,28% 956	9,07% 373	1,23% 51	4,9% 201	30,15% 1239	34,31% 1409	20,83% 856	8,58% 352	6,37% 262
	8,56%	20,2%				0,25%						1,0%
Свыше 25 дес.	2678	3,03% 81	44,36% 11,88	30,08% 805	22,55% 604	0,37% 10	1,88% 50	6,02% 161	21,8% 584	23,31% 624	46,62% 1209	2,63% 70
	5,58%	1,3%				0,05%						0,3%
Итого	47987	13,22% 6341	69,23% 33218	62,69% 4091	4,86% 2337	47,91% 22992	17,45% 8376	19,21% 9251	7,54% 3612	4,30% 2064	3,52% 1692	52,65% 25264

Примечание: Числа, стоящие над строчками, означают %-е отношение к числу хозяйств данной посевной группы.

Числа, стоящие под строчками, означают %-е отношение к подитожному числу данного вертикального столбца.

Сам Наркомзем бедняцкими признает хозяйства верхних четырех посевных групп (55% от общего числа хозяйств), середняцкими – хозяйства, относящиеся к нижней, восьмой строке таблицы (5,58%). Остаются еще три строки, охватывающие 39,42% крестьянского населения Крыма, которых Наркомзем не относит ни к беднякам, ни к середнякам, но, по его же критериям, это те «средние маленькие» хозяйства, которые своим трудом вырабатывают «количество продукции, необходимое для прокормления своей семьи». О зажиточных и кулаках по указанной таблице судить вообще не приходится. Как видим, эти данные довольно сильно отличаются от тех, которые озвучивались на X облпартконференции.

Следует отметить, что партийные органы также не имели четкой системы критериев социальной дифференциации крестьянства. Во многих случаях они предпочитали пользоваться директивами, шедшими из Москвы. В информационной справке о ходе проведения земельной реформы в Крыму (1928 год) отдел по работе в деревне Крымского ОК ВКП(б) предложил при социальной группировке крестьянских хозяйств исходить из принципов, изложенных в постановлении Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции СССР от 26 ноября 1925 года по ревизии предположительного баланса ЦСУ за 1925-26 год. В соответствии с этими принципами основными социально-экономическими группами деревни являются: а) беднота (эксплуатируемые хозяйства); б) богатые (в своей массе эксплуататорские хозяйства); в) между ними средние хозяйства. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что между богатыми и кулаками фактически ставится знак равенства. Далее документ уточняет: «Эксплуаторские хозяйства... должны: а) в значительной мере применять наемный труд; б) в современных условиях широко арендовать землю преимущественно на основе наемного труда; в) обладать средствами производства, позволяющими в массе применять наемный труд и аренду; г) иметь доходы от промыслов, носящих капиталистический характер (владельцы промышленных и торговых предприятий и т.п.); д) иметь излишки, превращаемые в капитал.» [15]

Итак, первыми признаками эксплуататорских хозяйств названы широкое применение наемного труда и аренда земли. По меньшей мере, это противоречило Земельному кодексу, который с февраля 1926 года узаконил и долгосрочную аренду до 12 лет, и наем рабочей силы на срок до 1 года для обработки арендуемой земли. Это противоречило также фактическим данным, которые свидетельствуют о том, что наемный труд применялся всеми категориями хозяйств и прежде всего середняцкими: [16]

Таблица 4.

Посевные группы	% хоз-в, применявших наем. труд к общему числу хоз-в этой группы	
	1925 г.	1926 г.
<u>1. Предгорный р-н:</u> Без посева		
От 1 до 4 дес.	2,6%	4,2%
От 4,1 до 19 дес.	7,3%	45,8%
От 19,1 до 40 д. и св.	47,9%	51,3%
	45,5%	63,3%
<u>2. Степной р-н:</u>		
Без посева	2,9%	10,6%
От 1 до 4 дес.	5,5 %	61,1%
От 4,1 до 19 дес.	7,7%	39,9%
От 19,1 до 40 и св.	33,1%	52,9%
<u>3. Южнобережный р-н.</u>		
Без посева		
От 1 до 4 дес.	5,1%	5,3%
От 4,1 до 19 дес.	4,8%	27,8%
От 19,1 до 40 и св.	19,3%	44,3%
	47,6%	80,9%

Как видим, после внесения изменений в Земельный кодекс, разрешавших более широкое применение наемного труда, резко возрастает количество хозяйств, нанимающих рабочую силу; и этим правом пользовались и бедняки, и середняки, и зажиточные.

Что касается отношений аренды, в целом можно согласиться с выводами Крымского ОК ВКП(б) о том, что их влияние на социальную дифференциацию крымской деревни было невелико: «На расслоение деревни имеет влияние не столько сама аренда, сколько ее слабое распространение, т.к. отсутствие землеустройства дает возможность мощным хозяйствам достаточно использовать большие земельные площади, принадлежащие по существу бедноте.» [17]

Социальная структура крымской доколхозной деревни имеет явно выраженную национальную окраску. Национальные различия в уровне социально-экономического развития были весьма существенны, что не всегда адекватно отражалось в политике властных структур и приводило к социальным противоречиям и конфликтам. Нарком земледелия С.Меметов на совещании по работе в деревне 9-11 ноября 1925 года

приводил такие данные: [18]

Таблица 5.

% хозяйств	Немцы	Русские	Татары
Имевших до 6 дес. Посева	32%	45%	77%
Без раб. Скота	0,5%	47%	61%
С 2-мя головами раб. Скота	46%	38%	27%

Далее Меметов приводит данные по аренде: в Крыму каждые 100 крестьянских хозяйств арендуют 74 десятины земли, при этом 100 татарских хозяйств арендуют 12 десятин, 100 русских – 101 десятину, а 100 немецких хозяйств – 275 десятин земли. Болгарские, армянские, греческие хозяйства по уровню развития примерно равнялись средним русским и украинским хозяйствам. Немецкие стояли на голову выше русских и тем более татарских не только по результативным показателям производства, но и по методам ведения хозяйства. Например, более мощные немецкие хозяйства нанимали гораздо меньше рабочей силы, чем такого же размера татарские, развивавшиеся менее интенсивно. Интересен и такой факт, что немецкий бедняк не вел карликового убыточного хозяйства, а предпочитал батрачить, пополняя заработком на стороне бюджет семьи. На вырученные деньги он мог затем приобрести необходимые ему средства производства и вести более рентабельное хозяйство. [19]

Хозяйства переселившихся в Крым евреев по мощности немного уступали немецким. В 1929 году на одно еврейское хозяйство в среднем приходилось 10-11 га земли. [20]

К сожалению, ставка на бедноту в политике властных структур Крымской АССР в 20-е годы сочеталась с приоритетной поддержкой татарских хозяйств, что приводило к столкновениям на национальной почве. В отчетах по обследованию крымской деревни за 1925 год отмечалось, что татарское население «... считает себя совершенно освобожденной господствующей нацией в Крыму и потому подчас предъявляет чрезмерные требования и тем самым создает неравновесие во взаимоотношениях отдельных национальностей». Это вызвало озлобление со стороны более богатого немецкого населения, представители которого часто заявляли, «... что вот, мол, я такой же крестьянин, землю обрабатываю хорошо, занимаюсь общественной работой, а государство меня меньше поддерживает, а посмотрите на татар, лентяи. Сколько им ни дают и ничего не получается...» [21].

В целом, результаты политики поддержки бедноты и наступления на «богатых» оказались таковы, что середняки и зажиточные старались сокращать производство, продавать средства производства и переходить в категорию бедных. К примеру, в деревне Биюк-Озенбаш Бахчисарайского района выступавший на земельном сходе крестьянин-середняк спрашивал: «... почему беднякам все бесплатно, а середнякам отпускают по долгосрочным кредитам... Теперь все середняки продают свой скот, чтобы стать бедняками.» [22] Аналогичная ситуация была отмечена на областном совещании по вопросам сельского хозяйства 4 октября 1930 года: «Вы берете список крестьянина. Он числится бедняком только потому, что на сегодняшний день имеются у него 2 лошади, одна корова. Но если вы возьмете список прошлого года, то увидите, что он имел 2-3 коровы и нескольких лошадей, а сегодня он продал и в кармане денежки и так заявляет: для того, чтобы спать спокойно.» [23]

В Евпаторийском районе перегибы в отношении середняцких хозяйств привели к сокращению в 1927-1928 гг. площади посева на 7%, рабочего скота – на 9%, крупного рогатого скота – на 1,5%. Если в 1926-1927 гг. середняцкие группы уплатили сельхозналог на сумму 374555 руб., то в 1928-1929 гг. они были обложены на 571145 руб. В то же время 27% хозяйств, причисленных к бедняцким, были освобождены от налога вообще, а 4% хозяйств уплатили налог в незначительных размерах. [24]

Такая политика со стороны государства откровенно развращала крестьянское население, порождала «собесовские», иждивенческие настроения. Например, в селах Ак-Мечетского сельсовета Евпаторийского района бедняки, не желая обрабатывать землю, заявляли: «все равно нам Калинин поможет». В Бий-Орлюкском сельсовете заявляли: «если государство даст нам полностью семена, корм, инвентарь – тогда мы поля засеем». Там же середняки указывали, что «политика партии, направленная на поддержку бедноты, - неверна, толку от бедноты не будет, нужно помогать тем хозяйствам, которые в действительности могли бы поднять свое сельское хозяйство.» [25]

По мере приближения к году «великого перелома» усиливалось наступление на «кулака», главным образом через лишение его избирательных прав. Если в 1926 году процент лишенцев на селе составлял 1%, то в 1927 году он достиг 6,8% всего крестьянского населения. [26]

Ужесточается фразеология чиновничества. Велиев из Симферополя на одном из совещаний в обкоме указывал: «Кулаков по нашему району выявлено 157. Это по официальным данным, что составляет 1,59%. Фактически выявлено 229 кулаков. Мы считаем, что этого количества по нашему району недостаточно.» [27] (Выделено мной. – В.Б.)

В чем же состоял смысл политики «раскрестьянивания», уничтожения крепкого мужика и насаждения колхозов, которые, как заявляли сами партийные работники, были в 1920-е годы «форменным бельмом в глазах крестьян» [28]? Дело в том, что «бельмом» в глазах большевиков была мелкобуржуазная стихия крестьянства, которой обильно досталось еще в трудах «классиков». Крестьяне никогда не были сторонниками коммунистических идей, основанных на отрицании частной собственности. Пролетарская революция могла удовлетворить интересы крестьянина, только дав ему землю и породив того самого крепкого

мужика, который будет чувствовать себя хозяином на своем наделе. Но для новоявленных хозяев, для нарождающейся партийно-бюрократической машины нужен был тотальный контроль над **всеми** факторами производства, в т.ч. землей. Для создания колхозов не было никаких экономических предпосылок. Это был политический акт подчинения крестьянина государству. Поэтому и делалась ставка на сельский пролетариат, на бедноту и шло наступление на те слои крестьян, которые поднимались с колен, укрепляли свое хозяйство и начинали диктовать экономические условия хозяйствования, протестуя против низких закупочных цен, выкачивания хлеба и т.д. Характерную мысль по этому поводу высказал на заседании бюро Крымского ОК ВКП(б) 3 марта 1927 года один из партийных функционеров: Самое лучшее время для организации коллективов было тогда, когда крестьянство было очень бедно и не имело средств для обработки земли. Поэтому всяческие формы коллективизации, всяческие супряги способствовали развитию коллективизации, но этот рост коллективизации не был основан на каком-либо окончательно укрепившемся взгляде, что коллективная обработка земли лучше индивидуальной. Тогда вступавшие в коллектив думали о том, чтобы использовать коллективистические настроения в силу экономической необходимости. Поскольку теперь хозяйство окрепло, поскольку крестьянин завел лошаденку, поскольку он думает сделаться хозяйчиком...»[29]

Поэтому, на наш взгляд, экономическая дифференциация крестьянства, группировка хозяйств по экономическим показателям является вторичной, отражающей лишь внешнюю, поверхностную картину социального облика деревни. Глубинной идеей, пронизывающей все тенденции ее развития, является идея «раскрестьянивания» через уничтожение среднего класса и тотальную пролетаризацию деревни. К сожалению, эта идея была реализована на практике и стала источником неисчислимых бед и трагедий народа. Глубокая пролетаризация сегодняшней деревни уходит корнями как раз к «году великого перелома» и является главным тормозом в осуществлении аграрной реформы в Украине и Крыму.

Литература

1. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом». /История СССР. – 1989. – №3. – С. 38.
2. Маковский В.В. Политика властных органов Крымской АССР по отношению к различным слоям крестьянства в 1920-е годы / Крымский Архив. – 2000. - №6. – С. 271-275; Дементьев Н.Е., Коновалов К.Ю. Социальная дифференциация крымского крестьянства в 1920-е годы / Культура народов Причерноморья. – 2001. - №17. – С. 116-119.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 3. – С. 61-62.
4. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. – М.: Наука. 1991. – С. 91.
5. Там же. – С. 91-94.
6. Государственный Архив Автономной Республики Крым (ГААРК). – Ф.1. – Оп. 1. – Д. 926. – Л. 19, 40; Д. 314. – Л. 120.
7. Там же. – Д. 926. – Л. 19.
8. Там же. – Д. 407. – Л. 24.
9. Там же. – Ф. Р-30. – Оп. 1. – Д. 142. – Л. 58.
10. Там же. - Л. 58 об.
11. Там же. – Л. 59 об.
12. Там же. – Л. 61 об.
13. Там же. – Л. 61-61 об.
14. Там же. – Л. 63.
15. Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 837. – Л. 277-279.
16. Там же. – Д. 644. – Л. 32.
17. Там же. – Л. 2.
18. Там же. – Д. 443. – Л. 167-168.
19. Там же. – Д. 837. – Л. 314.
20. Там же. – Д. 911. – Л. 5.
21. Там же. – Д. 389. – Л. 176 об.
22. Там же. – Д. 923. – Л. 7 об.
23. Там же. – Д. 969. – Л. 131-132.
24. Там же. – Д. 926. – Л. 41-42.
25. Там же. – Л. 42-43.
26. Там же. – Д. 650. – Л. 121.
27. Там же. – Д. 969. – Л. 66.
28. Там же. – Д. 608. – Л. 193.
29. Там же. – Л. 202.